

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЬФА-НОЛЬ.....	5
НАБИРАЯ СИЛУ	279
ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ АРХЕОЛОГИЯ	635

Глава 1 ТЕПЛО МАТЕРИНСКИХ РУК

Ступени просветления: пустота...

Атрибуты: нет

Навыки: нет

Состояния: нет

Тшими — труп. Тшими ходит, дышит и разговаривает, но при этом его уже нет. Тшими из той разновидности мертвецов, которые даже не догадываются, что всё кончено. Скажи я ему сейчас, что его вычеркнули из списка живых, и бедолага подумает, что или он ослышался, или я спятил. Покойник уверен, что всё идёт, как всегда. Всего-то и надо, — потратить полчаса на скучную церемонию приветствия госпожи и наследника, после которой можно отправиться домой. Там его дожидаются весёлая толстوشка Надира и двое детей, ради которых он готов пойти на что угодно.

Даже на кражу у клана.

Дети — источник радости и тревог. Но про этот мир можно сказать точно, что тревог от них куда больше, чем в месте, где я родился и прожил первую жизнь. Здесь добавляется кое-что особенное, давящее на всех родителей без исключения: и простолюдинов, и аристократов.

Я хронический затворник и потому нечасто сталкиваюсь с вассальными шудрами, но Тшими — одно из исключений. В иерархии слуг клана он занимает привилегированное положение, потому что контролирует львиную долю оборота одного из важнейших наших ресурсов. Того самого продукта, без которого аристократ еду едой не считает. Его роль настолько важна, что он отчитывается лично перед госпожой, и это случается нередко. А так как я почти всегда нахожусь при ней, у меня была возможность неплохо изучить этого крестьянина.

В сравнении с прочими он неплох. Возможно — лучший. На нём многое держится, и Тшими достойно справляется со своей ношей. Он один из краеугольных камней в фундаменте карликового царства моей чокнутой мамы.

И сегодня наш и без того хлипкий фундамент потеряет часть прочности.

Потому что Тшими — труп.

То, что жить ему осталось недолго, я узнал почти три месяца назад. У человека в моём положении не так много возможностей хоть как-то развлечься, вот и приходится цепляться за каждую. И когда мать в очередной раз садилась рядом и начинала проверять учётные книги, мне приходилось вникать в записи. Нет, игнорировать слова и цифры, конечно, несложно, благо понимания от меня не требовалось. Но ведь чем в таком случае заниматься пытливым мозгом? Бездумно таращиться на стену?

Нет уж. С меня этого достаточно. Последние полторы недели только этим и занимался, моля высшие силы помочь Камаю вернуться быстрее.

Я знал, что, вернувшись на этот раз, он убьёт Тшими. Но Тшими так или иначе не жилец, а мне очень не нравится проводить день за днём на положении безвольного овоща.

Камай приносит то, что делает из меня овоща способного кое-как передвигаться. Вам доводилось видеть, как ходит баклажан? Я тоже не видел, пока превратности новой жизни не превратили меня в убожество.

Место, в котором устроилась моя мамаша, называется словом, которому в моём родном языке можно подобрать несколько синонимов. Я предпочитаю думать о нём, как об усадьбе, потому как на рыцарский замок наше хозяйство совершенно не тянет, хотя формально является последним оплотом одного из самых древних кланов Арсы. Даже императорская семья проигрывает по некоторым пунктам знатности.

Однако знатность не подразумевает могущество. Увы, но хорошие времена остались в прошлом. Как, собственно, и сам клан. Осталось полтора обломка: я и Трейя Айтвир — глава Кроу, и биологическая мать никчемного тела, в котором поселился мой разум.

Да уж, мне пришлось самостоятельно обучиться актёрскому мастерству, чтобы без душевного содрогания называть её матерью. Даже кое-что сломал в своей психике. Иначе никак, я ведь должен вести себя с ней так, чтобы она ничего не заподозрила.

То есть, как сын, а не человек, им притворяющийся.

Усадьба — это господский дом в один этаж, без излишеств. Позади него скрываются несколько хозяйственных построек, в которых ютятся прислуга. Чуть дальше, в крохотной церемониальной роще стоит скромное ритуальное сооружение, которому в моём мире я аналогов не припомню. Называется «дсай», и слово это можно перевести как «много боли и отваги». Это своеобразный гибрид казармы и храма, где положено молиться высшей силе, ответственной за воинскую доблесть. Или говоря проще — за убийства. И не просто молиться, а развивать её в себе.

Вот в этом круглом и низком сарае между жизненно важными для меня поездками обитает Камай. Считается, что он проводит там все ночи. Но даже слепому Десу известно, что это случается только в те несчастные

периоды, когда он не греет постели вдов шудр. Это одновременно его привилегия и долг.

Если женщина потеряла мужа, это не отменяет её обязанность рожать новых шудр для Кроу. Но банальный разврат в здешнем обществе не одобряется. Как и всё прочее, он завязан на сложную систему традиций и правил, вписать в которую можно только Камая. Никого другого на роль «быка-производителя» у Кроу не осталось.

Сегодня подданные клана не просто так подтянулась к усадьбе. У нас торжественный день. День очередного поднятия на ноги выроodka Треи. То есть — меня.

Традиция такая.

Я непроизвольно перебирал в ладони амулет, привезённый Тшими. Именно благодаря этой вещице на ближайшие пять с половиной недель я не полный овоц.

Как же приятно снова ощущать руки и ноги.

И даже двигать ими.

Я сижу на плетёном кресле по правую руку от Треи. По такому случаю прислуга вытащила на открытую террасу её деревянный трон. Пожалуй — самая роскошная вещь в усадьбе.

Холодно уставившись поверх голов людей, пришедших выказать почтение клану Кроу и его главе, мать слово за словом выносила приговор.

— Тшими взял то, что принадлежит Кроу. Тшими сделал это не один раз и не два. Тшими сделал это четыре раза. Это прекрасно видно по книге учёта специй.

Эх, Тшими-Тшими, как же тебя угораздило оставить столько улик. Я-то тебя не обвиняю, потому что понимаю, зачем ты сглупил. Всему виной — дети. Тебе хотелось, чтобы из них выросли настоящие люди, а здесь это стоит денег. Аборигены — не звери, их младенцы не способны развивать параметры ПОРЯДКА самостоятельно, заполняя свои духовные центры и окружая их наборами атрибутов. Если ты не аристократ со связями и состоянием, тебе придётся изрядно постараться, чтобы годам к десяти-двенадцати твои отпрыски добрались до полноценной третьей, или даже четвёртой ступени. Ну а дальше станет чуточку попроще.

Вот Тшими и старался. Законных доходов не хватало, но не совсем глупый человек, занимающийся специями, найдёт возможность и хозяйку не обделить, и себя не забыть. Скорее всего, начинал он со стадий выращивания и сбора, где учёт был завязан строго на нём. И пока делал это аккуратно, никто ни о чём не догадывался. Но затем начал наглеть. А всё потому, что в наших краях нарисовались эти прохиндеи, называющие себя кланом торговцев. Эдакая белая кость от барыг. Их представители многим затуманили головы, обещая помощь в открытии любого атрибута. Хоть все пять тебе нарисуют, главное — плати.

Тшими очень любил своих детей. Он начал тянуть с поля столько, что это начало сказываться на цифрах учёта.

Вот потому Тшими труп.

— Укравший у клана становится врагом клана, — продолжала вещать мамаша. — Это объявление войны. Клан Кроу принимает вызов. Камай, как идзумо главы клана, будет сражаться с Тшими до смерти. Тшими может выбрать себе любое оружие из дсай моего дома. Гуюм, Дактори и Магума, помогите Тшими сделать выбор.

Огласив приговор, Трейя повернулась ко мне, ласково погладила по голове и спросила:

— Мой мальчик проголодался?

При мысли о еде я едва сдержал рвотный позыв, но не подал виду. Отрицательно помотав головой, сказал:

— Я устал. Можно мне полежать?

— Сынок, потерпи немного. Сейчас будет интересно. Сейчас Камай накажет плохого человека.

— Тшими не плохой, — осмелился я возразить.

Случается это редко и главным образом по причине абсолютной бесполезности моих возражений. Трейя относится ко мне, мягко говоря, ненормально. Для неё я единственный и любимый сын, вызывающий тоску и жалость разбитый источник всех надежд, но одновременно всего лишь предмет мебели, к словам которого можно не прислушиваться.

— Тшими очень плохой, — терпеливо повторила мать. — Тшими взял то, что принадлежит клану. Он обокрал тебя, моё сокровище. И Тшими будет наказан.

Да уж. Мало того, что меня адски мутит, как это всегда случается после возвращения амулета, так теперь ещё придётся смотреть на резню. В мире, где нет телевизора и всемирной паутины, это считается прекрасным зрелищем. А вот я, по первой своей жизни, такое если и наблюдал, то исключительно на экране. И надо сказать, что мне этого вполне хватало, никогда не тянуло столкнуться с насильственной смертью в реальности.

Хорошо бы закрыть глаза и не видеть то, что сейчас случится. Но нельзя, Трейя не позволит. Она замечает абсолютно всё и умеет заставлять делать то, что мне не нравится.

Да и очень тяжело не смотреть. Странный выверт психики. Отвратительное зрелище, но взгляд невозможно отвести.

Последний раз здесь убивали в конце зимы. Парочку разбойников Камай притащил лично. Обычные батраки арендаторов с юго-запада. Бедолаги и летом живут впроголодь, а уж в холодное время всё становится совсем плохо. Иногда им окончательно срывает крышу, вот и творят разное.

Каплями крови мне тогда забрызгало обе ноги.

Чёрт! Вот зачем я это вспомнил?!

Сейчас точно стошнит...

Тшими выбрал копьё. Весьма разумно. Всегда удивлялся тем простакам, который хватался за мечи. Это ведь оружие аристократии, простолюдины с ним если и умеют обращаться, то это уже не простолюдины, а кто-то вроде Камая. Но выбиться в такие бойцы очень трудно. Всё равно, что победить в игре без сохранения на уровне «бог» голым персонажем, которому чертовски трудно набирать единички опыта, а самый слабый противник способен прикончить в один-два удара.

Простолюдины должны рождаться, пахать землю и умирать. Сражаться с оружием в руках — это не для них.

Но случается всякое. Края, в которых обосновались жалкие остатки клана Кроу, беспокойные. Ну а что делать, если мы изгнанники, которым нигде не рады. Вот и пришлось обстраиваться на краю нормальных земель.

Раз это край нормальных территорий, следовательно, дальше должны начинаться ненормальные. Так и есть. И столь опасное соседство нам, разумеется, не в радость. Оттуда всякое приходит, в основном — нехорошее. Плюс скудость здешних земель порождает в населении преступные наклонности. Потому даже самый мирный крестьянин держит под рукой стёганую куртку, укреплённую костяными бляшками, шлем из многослойной кожи и копьё.

Так что Тшими с выбором не прогадал. Копьём он пользоваться умеет. Тут даже подростки простолюдинов иной раз вытворяют с этим оружием трюки на уровне самых зрелищных гонконгских боевиков, а уж взрослые способны на такое, что зритель, увидев это в фильме, начнёт плевать с криками «не верю!»

Но Тшими эти трюки не помогут.

Потому что Тшими труп.

Камай вышел с пустыми руками. Как обычно, ни слова не сказав. Фигура, затянутая во всё чёрное, и вечно закрытый тонкогубый рот. Однажды на моих глазах он забил здесь кулаками одновременно четверых. Не издавая ни звука, выворачивал им конечности, проламывал черепа, нечеловечески крепкими пальцами рвал мясо на лицах и, ухватившись за ключицы, дергал их с таким омерзительным хрустом, что я непроизвольно вздрагивал.

Он за весь бой ни разу не приоткрыл рот.

Иногда я задаю себе вопрос: «Дышит ли это чудовище вообще?»

Даже не знаю, что ответить...

Тшими — не такой уж глупец. Он прекрасно понимает, что жизнь окончена. Они всегда это понимают. Опытный воин двадцать восьмого круга просветления с бета-рангом, это, для нашей нищей и никому не интересной глуши, всё равно, что армия в пятнадцать тысяч императорских

гвардейцев. И то и другое звучит неправдоподобно, но одинаково отображает суть.

Что против армии ничего не светит, что против Камая.

Сам поединок продолжался считанные секунды. Тшими без энтузиазма крутанул копьё, врезав наконечником по земле с таким расчётом, чтобы вывороченные комья прилетели противнику в лицо. Камай с лёгкостью избежал столь топорной атаки, резко при этом сократив дистанцию.

Захват, рывок, омерзительный треск, и вот уже специалист по специям валится на вытоптанную землю двора. Голова его неестественно вывернута, а в глазах нет жизни.

Тшими — труп.

Мне показалось или нет? Такое впечатление, что Тшими и Камай перед тем, как всё случилось, о чём-то безмолвно поговорили. Чересчур долго стояли друг напротив друга.

Да нет, вряд ли. Тшими — обычный крестьянин, а не воин. Секреты этого сословия для него закрыты.

Но всё может быть. Я в этом ненормальном мире давно уже ничему не удивляюсь.

— Тшими честно сражался и заслужил посмертный покой, — кивнула моя мамаша, поднимаясь.

Прекрасно. Значит, тело отдадут семье, а не отвезут на другой берег Красноводки, где его быстро растащат хищники Лихолесья. Хоть какое-то утешение вдове. Пусть похороны на время отвлекут её от горестных мыслей. А их организация — хороший способ направить мозги на решение последующих практических задач.

Ей ведь теперь в одиночку двоих поднимать. Найти здесь нового мужа — почти нереальная задача.

У нас тут край вдов. Конкуренция у слабого пола высочайшая, а жена у Тшими не сказать, что первая красавица, да и по крестьянским меркам уже немолода.

Поднявшись, Трея посмотрела на меня с улыбкой и протянула руку:

— Пойдём в дом, мой мальчик. На улице свежо, а у тебя слишком мало сил.

Это она верно подметила. У меня всего мало.

Я ноль, который после разрядки амулета способен лишь дышать.

Да и то еле-еле.

Неимоверным усилием воли я ухватился за руку матери, тоже поднимаясь.

Нет, сложность не в том, чтобы встать самому. То есть это, конечно, для меня не просто, но в сравнении с самым худшим — пустяк.

Самое худшее — держать мать за руку.

За ту самую руку, которой она вырвала моё сердце.

Глава 2 СЕМЕЙНО-ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС

Ступени просветления: пустота...

Атрибуты: нет

Навыки: нет

Состояния: нет

— Тшими наш лучший мастер урожая. Его нечем заменить. Он единственный мастер урожая, достигший девятого ранга в навыке низовых специй.

— Это всего лишь омега, — презрительно заявила мать. — Забудь о Тшими. Тшими — никто.

Сказано безапелляционно, однако Камай на этом умолкать не стал.

— Но других у нас нет. И взять их негде. Значит, специй больше не будет.

Камай во всех ситуациях предпочитает помалкивать. Он воин, рождённый в сословии воинов, у них болтать не принято. А уж в моём присутствии столько слов иногда за неделю не высказывал. Я, ковыряясь в тарелке, так удивился этому прорыву красноречия, что едва не выронил двузубую вилку. Чертовски неудобная, узкая до такой степени, что ещё пара миллиметров, и можно будет назвать палочкой для еды. Развивает моторику пальцев, как и прочее разнообразие традиционных столовых предметов.

Но с моими непослушными пальцами не моторика, а горе получается.

Жаль, что до матери это не доходит.

Как и многое другое...

Похоже, даже замечание о специях Трейю не задело. Она увлеченно уставилась в здешнюю разновидность газеты. Свиток из дрянной рисовой бумаги закрепляют в простейшее устройство, включающее в себя пару деревянных валиков, отстоящих друг от друга на пару ладоней. Медленно вращая нижний, разматывают рулон, закреплённый на верхнем. Таким образом можно постепенно прочитать весь текст, не прикасаясь лишним раз руками к хрупкому материалу.

Камай всегда привозит одно и то же. Ежемесячный вестник с важными имперскими новостями и самыми значимыми событиями из светской жизни. Желание матери засветиться в этих записях столь же очевидно, как мечта лисицы поймать кролика. И выглядит это смешно, ибо скорее я попаду в элитную гвардию, чем о ней напишут хотя бы пару строк.

Не дождавшись реакции на свои слова, Камай добавил:

— Если не будет специй, чем мы станем платить за поддержание амулета вашего сына?

А вот это очень серьёзно. Такое мать мимо ушей пропустить не может. И она не пропустила:

— У нас в амбаре достаточно ржи. Продадим часть запасов. И найдём нового мастера урожая. У нас будут специи.

Камай покачал головой:

— Моя госпожа, это семенная рожь. Если её продать, мы не сможем посеять новый урожай.

— Я же сказала, что надо найти замену Тшими. Тшими воровал для своих никчемных детей. Новый мастер урожая устрашит это делать, помня о каре, которая постигла его предшественника. У нас появится больше специй, мы сможем купить на них столько семян, сколько потребуется. Пусть это тебя не заботит.

— Но меня заботит именно это. Я обязан заботиться о благополучии клана Кроу, — Камай начал повышать градус пафоса вслед за матерью. — Нам негде взять мастера урожая уровня Тшими. Лишь он один сумел вырастить хорошие специи на местных бедных почвах. Ему нет замены. Специй больше не будет. Нам придётся рассчитывать лишь на рожь. А рожь ценится недорого и её у нас тоже мало. У нас всего мало, поэтому крестьяне голодают каждый год. Слишком плохая земля. Тшими воровал не для себя. Дети крестьян болели. Болели от голода. У него одного была возможность дать им еду. И он не выдержал. Он кормил и своих, и чужих. Кормил детей.

Я аж заслушался. Да Камай за год столько не говорил. А уж столь длинный монолог — вообще немыслимая фантастика.

Мать, наконец, оторвалась от чтения. Уставилась на воина нехорошо и чуть ли не по-змеиному прошипела:

— Ты сказал, что он кормил чужих детей?

— Да, моя госпожа.

— И почему я узнаю об этом только сейчас?

— Моя госпожа, я сам узнал всего лишь час назад. Я хорошо знаком с Тшими и не мог поверить, что он поступил настолько глупо. Так не бывает, чтобы никто ничего не замечал. Поэтому я предположил, что он делился с другими, чтобы они не болтали. Догадался надавить на тех, которые слабы на языки. Оказывается, у ваших батраков был тайный сход. На нём они решали, как жить дальше. Их дети голодали и у них не было никаких специй, а это вредит развитию их атрибутов. Дети — это будущее даже для самых последних батраков. Сход принял решение менять на еду те специи, которые получится утаить. Поэтому Тшими никто не сдал. Если бы не его ошибки при отчётности, он бы мог и дальше воровать.

— Это заговор, — тем же нехорошим голосом констатировала Трейя. — Виновники должны быть наказаны. Немедленно наказаны.

— А вот это уже вторая наша беда, после потерянных специй, — сказал Камай. — Моя госпожа, за кражу у клана полагается смерть. Но как быть, если все ваши шудры замешаны? Они все разделили ответственность, все причастны. Нам что, казнить каждого главу семьи? Но тогда мы даже жме-

ню ржи не получим. Женщины и дети не смогут сами обрабатывать все поля и отбиваться от хищников, которые приходят из-за реки. Мы и так живём на грани разорения. Смерть Тшими, это шаг за эту грань, но казнь всех мужчин, это уже не шаг, это прыжок. Мы потеряем последнее, что у нас есть.

Мать, может, и витает в облаках большую часть времени, но иногда на неё находят периоды просветления. Жаль, что они кратковременные.

Вот и сейчас не стала требовать поднимать среди ночи всё население единственной подвластной ей деревеньки и, закусывая губу, нервно уточнила:

— Ты уверен, что в этом замешаны все мужчины?

Камай кивнул:

— Абсолютно. Я жестоко допросил двоих. Я спрашивал под клятвой крови. Оба они сказали одни слова. Замешаны все, включая управляющего поместьем и обоих ваших стражников. И я тоже заслужил наказание, потому что не узнал это раньше.

— Мы не можем им такое спустить, — задумчиво протянула Трейя. — Кража у клана, это кража у клана. Наказание за это полагается всего одно, исключений быть не может.

— Весь клан Кроу, это вы и ваш сын, — сказал Камай. — Больше никого не осталось, вы последние. Жизнь вашего сына держится на амулете, который приходится постоянно заряжать у мастера артефакторики. Я не представляю, как это делать без специй. Но, может быть, мы как-нибудь выкрутимся. Однако я представить себе не могу, чтобы мы выкрутились из этого без урожая. Да, рожь стоит дешево, но это деньги. Единственные наши деньги. Это слишком плохое место, шудры здесь сами едва концы с концами сводят, а ведь им ещё приходится содержать клан. Моя госпожа, вспомните, как было до этого. Мы всегда жили на пределе наших возможностей, и каждый новый год для нас проходил тяжелее предыдущего. Крестьян становится всё меньше и меньше, а урожаи не растут. Моя госпожа, приказав убить мужчин, вы поставите клан под такой удар, от которого он уже не оправится. Помните про жизнь вашего сына. У нас едва хватит средств на ещё одну зарядку амулета. Может две, если у вас остались личные средства. И на этом всё. Что мы станем делать дальше, я не знаю. Простите, моя госпожа, я могу умереть за вас и ваш клан, но не смогу заменить всех ваших шудр.

Трейя молча поднялась, проследовала на господскую половину, погребела там крышками обоих своих сундуков, после чего вернулась и поставила на стол три предмета: шёлковый мешочек, нефритовую шкатулку и предмет, похожий на маленькую вазу из мутного красноватого стекла, запаянную сверху. Если смотреть на него краем глаза, может показаться, что внутри, за почти непрозрачными стенками, тлеют раскалённые угли. И ещё я знал, что какая бы температура ни стояла в доме, прикоснувшись, всегда ощутишь теплоту.